

ДМИТРИЙ БОРТНИКОВ

КОЕ-ЧТО ПОКРУЧЕ

ВИЛЬЯМУ

- Дернешься еще раз, ухо отрежу, весело будет тогда без уха-то! Я прищурился. Я сижу тихо. Меня стригут.

Эта Мальвина с ножницами ни о чем не подозревает. Каждый из нас делает свое дело. Она свое уже заканчивает. Выбравшись из подполья, я свое только начинаю. И, глядя в казенное это зеркало, с радостью отмечаю, как изменило меня подполье. Что-то в глазах появилось, теперь еще короткая гордая стрижка. Ну, парень, замечтался, слышу, вставай, счастья тебе полные карманы, спасибо, смеюсь, в мои джинсы многое не войдет. Расплачиваясь, моя рука встречается с ее дикарского раскраса коготками. Мне некогда, путь лежит в стороне от этой фиолетоволосой девушки. Спасибо вам огромное, говорю и, прикрыв за собой одну дверь, настежь распахиваю входную и шагаю в март.

Хвост осени и всю холодную зиму просидел я в берлоге своей. За вычетом трех дней, в которые улеглась дикая одинокая пьяняка с телевизором на новогодние праздники.

Бросив работу, я перебрался на другую квартиру. Шестикомнатное еврейское гнездо с облегчением вздохнуло. Пусть спит спокойно, туда я никогда не вернусь. За один рассказ я получил деньги и залег в берлоге. Я проживал эти деньги по капле. Соседи в этой коммунальной норе решили что я колдун, раз и навсегда. Переубедить их было невозможно, они ждали чуда. Над ними тяготел рок. Это было даже не смешно. Пара-тройка старушек подъездных под-

хозяин этой норы был симпатичен мне. Он был молчалив. Но стоило вприснуть каплю алкоголя, как он утрачивал способность жить в одиночку. Однажды он пришел опохмелиться. В такие моменты он становился искренним, как перед концом света. Концов света было предостаточно, а он упрямо репетирует и откладывает премьеру своего главного Конца Света. Похмелившись, задумчиво говорит: Может ты какой-нибудь принц? - В смысле? - говорю. - Ну ведешь себя, как принц. Не обижайся, только. Мы все принцы, заброшенные звездочки. Кто-то горстями поселял нас сюда. Он обводит комнату и то, что за окном медленным скользящим взглядом. Счастливчик тот, кто вспомнил откуда он и куда. Он горько усмехается. Я вот забыл окончательно, стараюсь забыть, с каждым днем помню все меньше и меньше... А когда-то и вопроса не было, знал кто я и откуда. У тебя еще есть время, но времени нет. Вот и все, принц.

- А ты видел принцев, которые вспомнили? - говорю.

- Нет. Но ты как принц.

- Ага, - усмехаюсь, - без принцессы. И трон мой - в клозете. И джинсы - мантия.

- Не обижайся. Я ведь не со зла. И жрешь ты, Диман, что-то необычное.

Это уж точно, думаю. Было время. Однажды сделал красивый и вкусный салат. Назвал его "принц в изгнании". Никто из соседей не захотел принца и я вышиврнул его в унитаз. Потом там долго плавали лепестки капусты и моркови, яркие как лепестки цветов. Я смотрю в похмелье лицо передо мной. Старый чудаковатый человек с блестящими глазами. Он уже не всплынет. Разозлившись, он как-то выдал: Можно жить только в одной позе, позе трупа.

Когда-то он занимался всерьез йогой. Теперь уже в полный лотос не сядет. Теперь остается поза трупа. Черт, я уже старик, говорит он, ничего не могу изменить. Знаешь, когда сходит большая вода, обнажаются корни. Он смотрит в окно. Ничего не остается, как видеть обнаженные корни моей судьбы, говорит тихо этот в сущности совсем незнакомый мне чудак. Видеть только голые корни, надеяться на зеленый случайный листочек, и подожнуть так и не дождавшись. Он замолкает. Так останавливаются часы. Я смотрю на него, мне грустно и стыдно. Мне стыдно за себя, такого молодого. В какой-то момент, вздрогнув, я отворачиваюсь, чтобы не прочитал он в глазах моих свой приговор. А он смотрит, и я поворачиваюсь, и мы читаем друг в друге, и он опустив глаза, ухмыляется.

Допив, он идет еще за спиртным, а потом опять и снова заунывно - безумная песня ямщицкая, пока он не засыпает за столом, подложив под щеку локоть, обтянутый ветхой клечатой тканью рубашки. Еще несколько минут я смотрю в его лысеющее темя и начинаю убирать со стола. Он проснулся и крадучись ушел, и я слышал сквозь сон как он покашливает, проходя под окном.

Утром я сел ремонтировать свои единственные человечкообразные джинсы. Я латал их как парус латает потерпевший кораблекрушение. Врубил на всю музыку и чи-

нил паруса. А затем облачился под музыку и вышел из берлоги.

Мою голову холодит свежий ветер. Плотнее запахнув старую кожанку, я шагаю по ветреной Революционной. Необходимо что-нибудь сесть. Что-нибудь сытное, мясное. Теперь нужно найти деньги на это сытное, мясное. Я сворачиваю к метро. За углом солнце, теперь ветер попутный, и в ушах какая-то дикарская музыка. Настраиваюсь, музыка внутри, ритм нарастает, тень мои движется легко и плавно. Я скользжу как молодой чернокожий. Слышу глуховатые громы барабанов. Призывная музыка племени моего. Два ярко жеманно одетые парни на углу. Высокие стройные, вокруг шеи что-то цвета морской волны, аромат дорогих сигарет. На волне, как темный эсминец мимо них ввинчиваюсь в пространство и уже в спокойных водах другой улицы слышу то ли восхищенное, то ли презрительное "ни х... себе" этих парней. Обернувшись, вижу, как они смотрят вслед, и дальше плыву. Не помешал бы сейчас таинственный незнакомец, предложивший сакраментальную сделку. Я шел по мокрому городу, позволив себе мечтать. Ни на Революционной, ни на Маяк, незнакомца не было. Я бы сразу его узнал. Ладно, думаю, он сам меня найдет, всему свое время. Спускаясь в метро, в весенний его запах, думаю, а вдруг он уже здесь. Слепая старуха тянет руки ко всем и ко мне. Я ее часто встречал в метро. Она видит, как беркут. Не скрывает этого и ей подают. Я развел руками, она нахмурилась, а я прохожу дальше мимо. Не может она быть незнакомцем, это я точно знаю. Услышав клекот за спиной, оборачиваюсь, пятитысячная купюра из ладонки серебристой барышни в нутриевой шубке переползает в лапку старушки. Я завидую. Два дня моей жизни барышня подарила этому беркуту. За эти два дня я отмелил бы все грехи девушки, да и какие у этого ребенка грехи? А если держаться, то этих денег мне хватит для три, думаю я, и гордо шагаю дальше, вздохнув. Я чувствовал, как разыгрывается злость. На рынке прошлым летом, душным и влажным, я видел голову огромного черного быка. Ее продавал старый мужик. Он положил руку на лоб бычьи, я видел пальцы погруженные в курчавую шерсть. Встретившись глазами с этой головой я остановился. Голова и мужик смотрели на меня. А потом в какой-то момент они слились. Стали одним. Тогда был закат. Сейчас полдень, вершина дня и голод. Жестокий, чистый голод вершины. Я никогда не покорял гор, эта гора внутри, подумал я, так не превращай ее в кучу. Я иду медленнее, в голове речетатив: "Не предавай родного брата. Брат мой, Голод, будь здоров". Это моя молитва.

Я иду занимать деньги. Прожив 29 лет, так и не постиг это искусство. На трамваях, в автобусах я мотаюсь по мегаполису, чужому, враждебному. Переходя дорогу, я озираюсь как зверь. Если бы Вильям был здесь... Он уехал в Италию. По джинсовым своим делам бродит теперь в складах, ищет, где подешевле. В эту минуту он делает бизнес. Над ним джинсовое небо. В Италии сейчас совсем весна. Он вернется, наверное, не скоро. Я желаю ему удачи, изо всех сил. Вильям, шепчу я, возвращайся...

По Арцыбухе я бреду к Филу. Мне жарко, меня знобит от голода и любви. Я срываю кожанку, прохожие оглядываются как на автокатастрофу. Дорожно-транспортное происшествие идет дальше.

Вспоминаю, как Вильям украл для меня со склада пару груш и яблоко. Он принес их за пазухой, улыбчивый и таинственный, в своем крепко пахнущем бушлате. В то далекое время он зарабатывал на жизнь грузчиком в ледяном складу на Буйнова. Среди бандитов, алкашей и торговцев он был молодым хищником. Среди всего этого обилия экзотических фруктов и рож ему удавалось плавать самому по себе. После многочисленных выяснений "кто сильнее?" он разгуливал спокойный по складу, хрустя крепким яблоком, с разбитыми в кровь руками. То еще это местечко. Напротив церкви оно. Здесь зарезали двух азербайджанских торгашей и трупы бросили там, где нищие занимают свои посты по утрам. Эти банановые короли лежали двое суток, за ночь замерзая, оттаивая в полдень. Собаки пронюхали раньше, чем появились стражи порядка. Я помню, чувствуя вкус тех яблок. Они теплые, согрелись за пазухой, в них перешла часть Вильяма. Тогда я, кажется, ничего не соображал из-за жестокой ангины. Вилли, как мог, веселил, корчил рожи, спрятал одну грушу в холодильник, и потом дня через два утром я на нее наткнулся. Было ярко-синее февральское утро, я сидел у окна и прохладные куски груши волшебно проскальзывали в мою воспаленную глотку. Я смотрел как пролетели два ворона. Я шел на поправку. Приезжай поскорее, итальянец-бродяга, я жду тебя. Я желаю удачи. Голодная и пугливая нежность бродит за ребрами, как волченок по клетке. Много чего я сейчас вспоминаю.

Генри Мур. Девушка со скрещенными руками. 1980.